

Ле Корбюзье Шарль Эдуард

Планировка города

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
К66

К66 **Корбюзье Шарль Эдуард Л.**
Планировка города / Ле Корбюзье Шарль Эдуард – М.: Книга по Требованию, 2023. – 228 с.

ISBN 978-5-519-92611-9

ISBN 978-5-519-92611-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Город, лишенный красоты,
город шума и торговли,
город фабрик, пристаней,
гавань для всевозможных товаров...
... Порожденная ими жизнь
ни прекрасна, ни живописна:
она лишена дыхания природы,
жестокa, грязна и липка,
шумна, дымна и гнетуща,
безотраднa и обременительна,
более обременительна, чем голод,
и более беспорядочна, чем шквал.
... Даже демон-искуситель не отважился бы сказать:
«Если хотите, я разрушу этот город
и через три дня возведу новый —
новый и лучший:
не такой мрачный, не такой механический,
не такой бесчеловечный и холодный».

(Карел Чапек. Старая веселая Англия).

Капиталистический город переживает невиданный кризис, который особенно ясен в свете общего кризиса капиталистической системы. Идеал современного капиталистического города — Нью-Йорк — дает неповторимую картину кризиса капиталистического города. Нью-Йорк использовал каждую пядь городской земли до предела, вздымаясь на десятки и сотню этажей ввысь, опускаясь на много этажей под землю. Когда в стихийно выросшем и растущем (до кризиса) городе стало невозможно передвигаться, зарыли городской транспорт под землю, в гранитной скале Мангатана (остров, на котором стоит Нью-Йорк,) пробуравили несколько этажей метрополитэна. И все же положение не улучшилось — стихийный рост, анархическое, бесплановое размещение, гипертрофическая скученность создали такой затор движения на улицах, что автомобили уже не в состоянии быстро двигаться и ползут гуськом непрерывной цепью, так что целесообразнее оставлять автомобиль на окраине города, прибегая к битком набитому метрополитэну. «У вас в Москве, — жаловался нам американский планировщик, — хоть висеть можно на подножке трамвая, а на вагоне метрополитэна не повиснешь: состав не тронется, пока двери не прихлопнуты. Кондуктор втискивает вас коленкой и припирает дверь, так что вам не вздохнуть и уж на своей остановке не вылезть, — проедете одну-две лишних станции». Такова закупорка вен даже в Нью-Йорке, так смело и размахисто резавшем и расширявшем свои улицы и проезды (Бродуэй).

Корбюзье видит все это и тонко воспринимает.

«Современный город стал тревожным и удушливым, подобно громадному лагерю бродяг, скучившихся в своих фургонах, посреди импровизированного беспорядка.

Огромная машина большого города поддерживает в состоянии порядка 4 миллиона людей, каждое действие которых руководствуется отдельной, индивидуальной, анархической страстью.

В центре нехватает площади, по которой можно двигаться. В Нью-Йорке деловые люди оставляют свои машины на периферии.

Заводы ожесточенно сражаются, чтобы довести автомобили до скорости 100 и 200 километров (в час); состояние города повелительно кричит «16 километров, господа».

«Сердце города заключает в своих стенах узкие улицы, отравленные сгорающими газами автомобилей. Мы отравляемся на улицах и дома.

Деревья ужасно страдают. Уже в июле они теряют все свои листья. 9 мая на Елисейских полях половина каштановых деревьев, посаженных вдоль улиц, имела черные листья; цветочные бутоны не распустились; листья маленькие, как недоноски, съеживались, похожие на сморщенную руку. Девятое мая. Но где же времена года? 9 мая отмечает осень деревьев. Наши легкие вдыхают зимой и летом вредные газы; мы этого не замечаем. Но терзающиеся деревья кричат нам: берегитесь.

Города — в отчаянии. Отчаяние городов.

О вы, муниципальные советники, которые посеяли отчаяние в наших городах!

Это, увы, существует.

В тревожном положении увеличивающейся опасности люди всех стран предлагают целую кучу решений. Это больше нетерпимо. Мы идем в тупик. Это уже не концепция, это: спасайся, кто может».

В чем же Корбюзье видит причину зла?

«Дела требуют, чтобы в 9 часов утра сотни тысяч людей выгружались в один миг в самом центре города, где находятся эти дела.

Метрополитэн выгружает ежедневно миллионы пассажиров.

Никакой современный город не имеет программы движения.

Путь ослов — путь людей.

По прихоти рытвин и бугров, булыжников или топи как попало проходила тележка; ручеек был большим препятствием. Так родились дороги и пути. На перекрестках дорог, на берегу воды выстроились первые лачуги, первые дома, первые поселки; выстроились в ряд, вдоль дорог, вдоль пути ослов.

Кругом поставили стену. Там, где начиналась дорога ослов, сделали городские ворота. Поселок стал большой столицей. Париж, Рим, Стамбул выстроены на пути ослов».

И в результате.

«Если A = старым дорогам, а B = численности старого населения с передвижением (людей и товаров), гигиеной, моральным состоянием и т. д., если A^1 = новым дорогам, а B^1 = новому населению, передвижению (людей и товаров), гигиене, моральному состоянию и т. д., уравнение будет: $A : B = A^1 : B^1$ — A и B пропорциональны друг другу.

A^1 практически не изменяет A , таким образом $A = A^1$.

B^1 стало огромным.

Уравнение становится абсурдным: $A : B = A : B^1$.

Современный большой город в своем теперешнем состоянии является абсурдом».

Так вскрывает Корбюзье тупик, в какой забрел исторический город.

Но новый город, в частности американский, сейчас также в тупике и, быть может, в силу своего пидертрофического роста, еще в более безвыходном.

Тупик, на первый взгляд, чисто технический, конструктивный.

Но когда перед Корбюзье начали вырисовываться мыслимые формы и методы исправления создавшегося положения, он стал замечать на их пути затруднения и другого — социального — порядка.

«Развитие города (конечно, капиталистического — С. Г.) предполагает процветание индивидуальных ячеек. Каждая из них является самодовлеющей и ведет к несогласованности. Серьезная опасность, зло могут быть побеждены лишь искусством, в чем собственно и заключается роль архитектуры в планировке.

Критический пункт, на котором задерживается анализ города: роковое зрелище чрезмерного индивидуализма. Недостает и будет

недоставать общественного чувства меры, если только не придут новые времена дисциплины, мудрости, единодушия в искусстве».

Откуда же придут эти новые элементы дисциплины, единодушия? Какие к этому пути?

И вновь предстают перед ним сперва лишь пути технические, конструктивные.

«Начать проверку больших городов. Сегодня они находятся в самом ужасающем хаосе. Вследствие их быстрого стремительного роста, все в них спутано.

Автомобильное движение требует уничтожения двух третей современных улиц, уничтожения дворов.

Нужно разрушить центр».

И естественно, снова возникают проблемы социальные, социально-бытовые. Для нас очевидно, что капиталистические города — производное от всей системы буржуазной экономики и капиталистических производственных отношений.

Корбюзье над этим не задумывается и из своего ателье, из своей лаборатории, манипулируя одними аргументами архитектуры, транслирует с вышки Эйфелевой башни свой увлекательный планировочный манифест, призванный, по существу, изменить социально-бытовой уклад капиталистического города, оставляя в то же время неприкосновенной всю частнособственническую систему, породившую действующие сегодня отношения.

Маркс и Энгельс указывали на то, что «мелкобуржуазный социализм прекрасно умел подметить противоречия современных условий. По своему положительному содержанию он старается насильно удержать новейшие средства производства и сношения в рамках старых имущественных отношений, которые они уже разбили и необходимо должны были разбить. Он является одновременно реакционным и утопическим» («Коммунистический манифест»).

Корбюзье предлагает интересные формы коллективной организации жизни, организации домовых коммун, упразднение посреднической торговой системы и непосредственную заготовку продовольствия в деревне, значительное обобществление бытового обслуживания системой общественного питания, плановую организацию города и всех его составных элементов, предопределение, чем будет тот или иной округ через 50 лет, и т. д.

Каким же образом предлагает он осуществить все это?

Ведь даже по частному случаю планировки Страсбурга он сам же дает иллюстрацию буржуазных нравов и отношение в буржуазном государстве к общественным нуждам:

«Они знают, что они находятся на будущей магистрали большого движения, — они запросят дорого».

Или отношение другой части, непосредственно незаинтересованной в спекуляции землей:

«Вы занимаетесь 2000-м годом», — говорят ему.

«Подобная организация, — отвечает Корбюзье, — раскрывает силы новой эпохи и разворачивает перед нашими глазами ослепительные горизонты».

— О, вы находите. Восьмичасовой рабочий день, дансинги, повсюду кино, молодые девушки, потерявшие целомудрие...

— И вы,— заключает Корбюзье,— падаете с небес с разбитыми крыльями. Вы окончательно убиты».

Но и упавши с небес, Корбюзье не видит, не хочет видеть, как можно осуществить его блестящие формулы.

Он запутался в своих декларациях. Спасение он видит в искусстве, «в чем собственно и заключается роль архитектуры и планировки». «Планировка, беспокоящаяся о счастье и несчастье, пытающаяся создать счастье и устранить несчастье,— вот достойная наука в этот период расстройств».

Характерный словарь — «период расстройства», в другом месте «Почему решать, что мы стары. Нет никаких оснований хоронить старую Европу» и т. п. выдают беспокойство автора, отражающее социальное и политическое беспокойство всей представляемой им капиталистической системы.

Нерешительно пытается он подойти к проблеме плана: «Город крепко входит в область расчетов. Предвидеть — вот все, что требуется». «Если бы принцип общественности управлял всеми разрозненными ячейками, беспорядок был бы предотвращен» и т. д.

Но все эти заклинания — без адреса. Смешно пытаться лечить социальную систему посредством одной планировки города: последняя сама является производным от народнохозяйственного планирования, органически чуждого капиталистической системе. Упорядочение жизни города возможно лишь вместе с упорядочением всей жизни общества, всей социальной системы в целом, развороченной буржуазным индивидуализмом, анархией производства, частной собственностью на средства производства, землю и недвижимость.

Коммунисты теоретически и практически показывают как осуществить коллективность, как вывести общество и его материальную оболочку — город — из капиталистического тупика.

Коммунисты указывают реальные, конечно, революционные пути, считая, что радикальные проекты без указания реальных путей их осуществления остаются просто звонкой фразой.

Но Корбюзье считает, что в этом случае коммунисты зазнаются и нетерпимы.

«После русской революции москвичи страдают маленькой слабостью выдавать только себе патент революционеров».

Учение о планировке города, которое я изложил, явилось предметом изучения в коммунистических органах. Восхваляли технику, но очень сурово осуждали, что на планах не было написано: Народный дом, Дом союзов, потому что на проекте, предназначенном господствовать над всем, я не поставил на бандероли: национализация имущества. А между тем, видите ли, этот очерк — без ярлыка: он не относится ни к буржуазному капиталистическому обществу, ни к III Интернационалу».

После талантливого подъема, высокого взлета, югromного размаха, глубокого анализа, богатых мыслей о переустройстве города неожиданная подобная обывательская философия и эта беспомощная сакраментальная формула:

«Я — архитектор, и меня не заставят делать политику».

Здесь выступает на сцену фатальная трагедия передовой интеллигенции (тоненького слоя) капиталистического мира. Она видит все безвыходное положение буржуазного общества. Она поднимается подчас до предвидения иных, более совершенных форм. Но она страшится, пугливо шарахается в сторону при мысли о той хирургии, которая должна создать условия для построения этих новых форм.

Ценность настоящей книги даже выигрывает от того, что ее автор не коммунист, не сторонник III Интернационала, а человек, уверенный в том, что обеими ногами стоит на капиталистической платформе.

Тем ценнее именно от апологета капитализма услышать о безвыходном кризисе, в котором задыхается капиталистический город. Мы не беремся пророчить о будущих судьбах Корбюзье. Мы только хотели бы напомнить, что добросовестные попытки решить научным методом больные проблемы, рожденные капиталистическим обществом, приводили уже не раз наиболее культурных представителей буржуазной интеллигенции сперва в науке, искусстве, технике, а затем и в политике к установкам научного социализма — коммунизма. Мы видели это на примерах Анатоля Франса и Ромена Роллана, Августа Фореля и Альберта Эйнштейна.

На работе, посвященной реконструкции Москвы, сказала все та же раздвоенность передового радикального интеллектуального представителя капиталистического общества. Работа эта явилась ответом на нашу специальную анкету о путях реконструкции Москвы, разосланной ряду крупнейших общественных деятелей СССР и Европы.

Анкета затрагивала все стороны, все элементы города и специально столицы СССР, вопросы социалистического расселения и типа жилья, возможностей и пределов обобществления элементов труда и бытового обслуживания, вопросы социального воспитания, пролетарской и физической культуры и т. д. Наряду с этим стояли и вопросы о принципах и методах пространственного размещения отдельных элементов города, организации взаимообслуживания функциональных секторов, проблемы внутригородского и межгородного транспорта, вопросы включения элементов сельского хозяйства в городской организм и т. д.

Мы считали, что даже узкий специалист имеет определенные взгляды на вопросы, выходящие за пределы его специальности. Во всяком случае, в нашем Союзе вся общественность, в том числе и научно-техническая, усиленно усваивает социально-политические проблемы исторического дня и, наоборот, политические деятели овладевают узко-техническими проблемами. И хотя мы ожидали наиболее интересные ответы по специальным вопросам получить от узких специалистов, — мы с глубочайшим вниманием изучали и усваивали предложения экономиста С. Г. Струмилина по проблемам планировки, деятеля Коминтерна В. Коларова по транспортной проблеме и соображения специалиста-транспортника профессора В. Н. Образцова о социально-политическом облике будущей Москвы.

С огромным интересом изучали мы и все ответы Корбюзье. И сразу бросается в глаза: какая все-таки огромная разница даже между самым крупным европейским архитектором и рядовым советским, в особенности молодым (разница с положительным знаком в пользу советского), когда речь идет о проблемах социального порядка. Отвечая на ряд острейших социально-бытовых проблем, Корбюзье не ознакомился с вопросом о том, что в этих областях достигнуто уже в единственной стране, поставившей эти проблемы в развернутом виде, и если эти проблемы не решены еще полностью практически, то какие пути наметились теоретически.

Но главная беда Корбюзье в том, что он не ответил сам о себе, какое общество должен обслуживать проектируемый им город. Его напряженная творческая мысль работает все время в двух плоскостях: то Корбюзье уносится мыслью в советскую Москву — и тогда он дает чрезвычайно интересные предложения и решения коллективной организации жизни, то он озирается на Париж — и тогда перед ним выступает сегодняшний издерганный житель крупного капиталистического города, которого надо спасти от шума и сутолоки, от тесноты и зловонья, — тогда он выдвигает беспомощные ультра-урбанистические меры.

Когда мы читали у Г. Уэллса изображение города будущего, с крышей над всем огромным городом вместо неба, с постоянным искусственным освещением — без солнца, — с искусственной равномерной температурой, нам чудилось: сидит, запершись в кабинете, большой, умный человек, индивидуалист, чувствующий историческое наступление эпохи коллективизма и в бессильной злобе пытающийся всячески скомпрометировать грядущую эпоху, — это проходит через все сочинения Уэллса, в которых он пытается изобразить общество будущего.

Но сейчас, читая некоторые места в «ответе» Корбюзье, получаешь впечатление, что по вопросам организации города именно он консультировал Уэллсу:

«Введение в обиход так называемого «точного дыхания», основанного на так называемой выработке «точного воздуха», должно позволить каждому жителю пользоваться чистым воздухом и держать в помещениях на должной высоте и температуру и влажность. Система эта состоит в том, что внутри всего здания в закрытых трубопроводах обращается чистый воздух при одной определенной температуре в 18°. Что касается изотермичности в подающих свет стенах, то лаборатории в близком будущем смогут дать нам для остекления новый прозрачный материал, по изотермичности равный толстой стене. С этого момента наступит новая эра: здания окажутся совершенно герметически закрытыми, причем пользование воздухом в комнатах будет обеспечено названной выше системой в закрытых трубопроводах. На фасадах больше не понадобится окон, а следовательно, в дома не будут

проникать ни пыль, ни мухи, ни москиты; не будет слышно и шума. Следует продолжать изыскания в области заглушения звука, именно в зданиях из стали и железобетона».

Повторяю, нам казалось, что подобная болезненная фантазия могла зародиться только в затхлом уединении кабинета, у интеллектуального представителя буржуазного общества, не видящего иного спасения от шума и клоаки больших городов. И поэтому чудно и неожиданно услышать те же мотивы от Корбюзье — крупнейшего практического деятеля в области переустройства материальной культуры. Ведь Корбюзье бывал у нас и знает, что у нас имеется не только теоретическая перспектива уничтожения противоположности города и деревни и сочетания передовой культуры и техники города со здоровыми условиями природы деревни, но что уже и практически мы подошли к решению этих проблем.

Причину мы уже отметили выше — раздвоенность Корбюзье.

Когда на него нападает индивидуалистическая природа капиталистического общества, его (Корбюзье) качает от индивидуальных изолированных коттеджиков на колонках до 1 000, (и даже до 3 000) человек на гектар, но с полной «герметической» изоляцией человека:

«Человек всегда стремится освободиться от принуждения коллективного характера, стремится остаться с самим собой. Каждую квартиру можно попросту считать как бы убежищем, причем она должна быть самостоятельной, закрытой, частной и священной; семья должна жить в этой квартире, как ей вздумается, жить своей индивидуальной жизнью, вне всякого коллективного принуждения».

Когда Корбюзье думает об обществе в целом, он готов признать право общества на известное принуждение в отношении отдельных своих членов. Он сам выдвигает мысль сделать спорт принудительным в интересах физического оздоровления общества. Но как только он сходит с этой позиции и начинает манипулировать интересами и чувствами отдельной, изолированно взятой личности, перед ним коллективное общество начинает вырисовываться в виде казармы с принудительным режимом и принудительным мирозерцанием.

Тогда он бунтует:

«Кроме удовлетворения чисто утилитарных нужд, в жителях данного дома (речь идет о московских домах-коммунах — С. Г.) нужно возбуждать чувство известной гармонии. Лишать его (человека) всего этого путем внедрения в него грубого утилитарного мировоззрения — значит идти навстречу неудаче. В таких случаях дома оказались бы лишенными уюта, сделались бы как бы бездушными. Да простят мне это выражение, ибо я знаю, что я вызову этим критику, но по моему мнению,

есть что-то детское — скажем это смело — в нежелании принимать во внимание одну из основ человеческой природы, а именно способность к чувствительности».

Часть ошибок Корбюзье можно, конечно, отнести за счет плохой информации о наших делах. Он упоминает о том, что у нас предположено «принуждение к обязательному приему пищи в общей столовой», или, в другом месте, что «в СССР существует обыкновение потреблять ряд приготовленных заранее кушаний, которые могут долго сохраняться», и т. д. Из такого же, видно, источника утверждение, что мы не желаем принимать во внимание «одну из основ человеческой природы».

Мы всегда охотно отмечали смелость и решительность Корбюзье. Но когда он кабинетным путем пытается решить все социально-политические проблемы города, мы можем только посоветовать ему прислушаться, может быть, лично присмотреться к тому, как целый класс, восходящий класс, всю свою борьбу и победу базировавший именно на знании «основ человеческой природы», как этот класс решает те же проблемы многомиллионным коллективом.

Тогда он увидел бы утопичность своих построений, может быть, познал бы, наконец, что основные различия в решениях проблемы города — у него в теории и у нас в практике строительства и реконструкции соцгородов — исходят из двух систем мирозерцания, выражающих разные социальные системы.

Мы ставим переделку материальной культуры в зависимость от переделки всей социальной организации. Корбюзье временами в известной мере приближается к такой системе взглядов, в частности когда он трактует о преимуществах коллективных форм общежития. Но затем он снова оказывается под влиянием социального и идеологического давления буржуазно-индивидуалистического общества и тогда он пытается отдельные вопросы решить вне всей системы, вернее, на базе существующей капиталистической системы, тогда у него получаются лишь мысли об усовершенствовании существующего капиталистического города, а не решения для социалистической столицы.

Через всю работу Корбюзье проходят, сменяя друг друга, попытки прыгнуть выше себя и неожиданные срывы.

Совершенно очевидно, что панацеи, выдвигаемые Корбюзье, являются реакцией на сегодняшнее состояние крупного капиталистического города. Только этот левиафан, круглые сутки грохочущий в непрерывном движении, мог породить идею о стальном бронированном, герметически закупоренном «убежище». Только скученность подобного спрута с отравленным воздухом могла породить мысль «об искусственном дыхании». Только ненормально возбужденная нервная система жителя большого капиталистического города подсказывает такую острую необходимость замкнуться, герметически изолироваться в своем «священном» убежище.

Для нас же ясно, что с изменением социальной системы, после низвержения капитализма, отпадает и его порождение — современные капиталистические формы города и все его производные.

В социалистической реконструкции городов Союза мы исходим из того, что у нас заложена уже новая, социальная система, которая позволяет нам практически подойти к созданию новых городов — социалистического типа, которые даже на сегодняшнем переходном этапе могут уже быть в значительной мере освобождены от наиболее тяжелых сторон капиталистического города — необычайных размеров, шума, пыли, опасности передвижения, скученности, антисанитарности, отсутствия необходимых зеленых и воздушных резервуаров и т. д.

Капиталистический город невозможно реконструировать на существующей социальной базе. Коллективные формы организации жизни, о которых говорит Корбюзье, осуществимы, конечно, только на базе коллективной, обобществленной собственности.

Наряду с досадными ошибками Корбюзье читатель познакомится с рядом его блестящих идей и предложений. С предложениями Корбюзье по реконструкции Москвы трудно согласиться, так как, по существу говоря, он предлагает снести существующую Москву и на образовавшемся чистом месте строить новую; но вместе с тем его идеи по планировке города, безусловно, представляют огромный интерес для развернувшейся у нас научно-исследовательской работы вокруг проблемы города и, в частности, в связи с начатыми работами по соцреконструкции Москвы.

С. М. Горный